

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЖИТИЙ В ПРОЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА "ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ"

TRADITIONS OF THE ANCIENT LIVING IN PROSE BK ZAITSEV "THE RELIGIOUS SERGEY RADONEZHISKY"

Bayana Hatidge

Annotation

In this paper we attempt to compare the product of B.K. Zaitsev "St. Sergius of Radonezh", written in the genre of the story-life, with the ancient Russian hagiographic literature. The author proves that in the text created by the contemporary writer, traits characteristic of the Old Russian spiritual literature are traced: at the level of composition, plot, selection of linguistic means, biography of the Orthodox saint. At the same time, attention is also focused on the distinctive features: creation of the image of the monk, history as a plot-forming basis, author's comments to the chapters, the final part of the work.

Keywords: genre of life, Orthodox shrines, Sergius of Radonezh, ascetic, hegumen of the Russian land, spiritual guidance, revolution.

Баяна Хатидже

Аспирант, ФГБОУ ВО

"Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова"

Аннотация

В настоящей работе предпринята попытка сопоставить произведение Б.К. Зайцева "Преподобный Сергей Радонежский", написанное в жанре повести-жизнеописания, с древнерусской житийной литературой. Автор обосновывает, что в тексте, созданном современным литератором, прослеживаются черты, свойственные древнерусской духовной литературе: на уровне композиции, сюжета, отбора языковых средств, жизнеописания православного святого. Вместе с тем акцентируется внимание и на отличительных признаках: создании образа преподобного, истории как сюжетобразующей основы, авторских комментариях к главам, финальной части произведения.

Ключевые слова:

Жанр жития, православные святые, Сергей Радонежский, подвижник, игумен земли Русской, духовное наставничество, революция.

Имя Б.К. Зайцева, русского писателя и переводчика, вступившего на литературный путь в начале XX века, стало известно современному читателю сравнительно недавно, когда появилась возможность познакомиться с произведениями творческой интеллигенции, эмигрировавшей из России в годы лихолетья. Всецело отданный подвижничеству служению русской литературе, мастер художественного слова получил широкое признание и снискал заслуженное уважение у собратьев по творческому цеху: "В эмиграции им были написаны многие произведения" [8, с. 6], самым известным из которых является повесть "Преподобный Сергей Радонежский".

В рамках "возвращенной литературы" в 90-е годы минувшего столетия его имя включают в школьные программы в контексте "изучения темы по древнерусской литературе" [20, с. 358]. Книга, посвященная одному из самых почитаемых в России святых, была завершена Б.К. Зайцевым к середине 1924 года. В октябре автор публикует фрагмент сочинения в русскоязычном издании "Последние новости", издаваемом в Париже, "а в 1925 году произведение выходит целиком" [1, с. 269]. Ориентированное на агиографический канон, в жанровом отношении оно может быть охарактеризовано как

повесть-жизнеописание [1, с. 269].

В текстах исследователей встречаются и другие определения, связанные со спецификой жанра, в рамках которого создано произведение: художественная биография [4], биографический очерк [11], нежитие [18].

Стоит обратить внимание на то, что христианское мировоззрение не было присуще Б.К. Зайцеву изначально. Объяснением тому может стать родительское воспитание: мать и отец писателя "принадлежали к той части русской интеллигенции, что была равнодушна к религии" [7, с. 458]. Отсюда вполне закономерно: не смотря на то что детские и юношеские годы будущего литератора прошли возле христианских святынь, в частности, близ местечка, где в свое время подвизался Серафим Саровский, тем не менее, все это было частью повседневности и не вызывало никакого интереса [14, с. 13].

И только спустя много лет, оторванный от России, Б.К. Зайцев испытал острую потребность "поклониться этим святым местам" [14, с. 13]. Но пути назад не было. Лишенный возможности в физическом мире, писатель, однако же, найдет выход в мире ментальном. И это будет "мысленное паломничество" [14, с. 13]. В контексте сказанного известный отечественный ученый А.М. Лю-

бомудров, труды которого посвящены изучению творчества писателей русского зарубежья, подчеркивает, что мысленное паломничество впоследствии станет для прозаика "характерным приемом в очерках о святынях Руси" [14, с. 13].

Итак, Б.К. Зайцев отправляется в длительный путь, имеющий для него сакральной значение, чтобы, прежде всего, поклониться святым местам, связанным с именем русского чудотворца. Но почему выбор пал именно на Сергия Радонежского? На этот вопрос исследователи отвечают по-разному. Так, например, В.Т. Захарова [8] считает, что выбор обусловлен ассоциативными связями: для писателя слишком болезненными оказались перемены, произошедшие в стране после революции. В итоге Российская империя, насчитывающая многовековую историю, перестала существовать.

Но подобные времена, комментирует исследователь, Россия уже переживала, сумев при этом выстоять благодаря таким людям, как Сергей Радонежский, поэтому "в эпоху трагического крушения русской государственности именно образ Игумена земли русской стал ее символом" [8, с. 6]. Сходного мнения придерживается автор многочисленных работ о поэзии и прозе начала XX века Н.М. Солнцева, которая пишет о том, что потребность в обращении к религиозному подвижнику связана с политическими гонениями, в связи с чем "обострилась проблема сопротивления злу" [19, с. 16].

Автор учебного пособия "Литература русского зарубежья" А.И. Смирнова высказывает мнение, согласно которому Б.К. Зайцев искал созидательные силы, способные уж если не изменить ход истории, то хотя бы частично восстановить разрушенное революцией: "Стихии, кровавой сущности и насилию революции писатель противопоставил подвижничество, созидание Сергия" [11, с. 101].

С точки зрения исследователя Л.Н. Бараевой, писатель, пережив невосполнимую утрату, а именно: "смерть племянника и сына жены от первого брака", искал утешение в духовном [1, с. 269]. Об этом же размышляет М.В. Ветрова: произведения Б.К. Зайцева, отнесенные к эмигрантскому периоду творчества, разительно отличаются от тех, что были созданы в России. Гражданская война, революция, потеря близких, пожизненное изгнание – вот причины, подтолкнувшие его к переосмыслению жизни и поиску истины: "Отныне писатель находит для себя опору в православии", символом которого становятся русские подвижники [2, с. 139].

Исследователь А.В. Громова убеждена в том, что выбор кандидатуры объясняется стремлением литератора "исследовать русский национальный характер, русскую национальную душу" [4, с. 6]. И Сергей Радонежский становится воплощением собирательного характера, яркими чертами которого являются кротость, милосердие, упорство, трудолюбие. По сути, уточняет А.В. Громова, находясь на чужбине, русские эмигранты стремились не только сохранить родную культуру, но и

ощутить с ней единение. Подтверждением этой связи можно считать наименование православного прихода в честь игумена земли Русской: "его именем названо русское православное подворье в Париже" [4, с. 9].

Обобщая сказанное, сделаем вывод о том, что интерес писателя к личности духовного собирателя русского народа обусловлен совокупностью субъективных и объективных причин. И если с определением кандидатуры все достаточно понятно, то мотивы выбора прозаиком жанра остаются не совсем ясными. Казалось бы, для чего необходимо "создавать еще одну версию жития?", – задается данным вопросом исследователь Е.А. Евдокимова [5, с. 187]. С одной стороны, воздаяние почестей святому, молитвенное обращение к нему не может иметь сугубо ритуальный характер, а следовательно, "его образ должен быть живым для конкретного человека" [5, с. 187].

С другой стороны, современному человеку достаточно сложно "пробираться" через архаику языка, строгость житийного канона. Как же в подобных условиях можно "сильно хотеть этой встречи"? [5, с. 187]. Как ни удивительно, но она возможна, если для самого автора такой святой считается своим, близким, понимаемым. Б.К. Зайцев подготовил эту встречу, сделав не поддающееся восприятию доступным.

Говоря иначе, изложенное "написано верующим, но светским человеком для светских же" [5, с. 187]. Предвидя возражения, Е.А. Евдокимова подчеркивает: речь идет не об упущении, а о переводе; писатель проговаривает собственный опыт встречи с православным святым, предлагает свое видение его образа. Благодаря такому подходу прозаик "делает образ святого достоянием читающей публики, помогая человеку культуры подойти чуть ближе к церкви" [5, с. 188].

Работая над книгой, Б.К. Зайцев пользовался разными источниками. В их число вошли "Житие преподобного Сергия", составленное православным агиографом Епифанием Премудрым [17, с. 157]; "Житие и подвиги преподобного и богоносного нашего Сергия, игумена Радонежского и всея Руси чудотворца", составленное архиепископом Никоном [14, с. 6]; сочинения Василия Великого; Киево-Печерский патерик; житие Антония Великого, житие Франциска Ассизского; летописи [17, с. 157].

В развернутом описании Б.К. Зайцев следует за древнерусским агиографом Епифанием, придерживаясь магистральных канонов, на основе которых осуществляется архитектоника жития: речь идет о композиции произведения, словесных трафаретах, наборе топов, принципе обобщения при создании облика преподобного [12, с. 268]. Так, литератор обстоятельно описывает детство Сергия в родительской семье (в тот период Варфоломея); его благочестивых родителей, представляя их "людьми почтенными и справедливыми, религиозными в высокой степени" [7, с. 25]; встречу со старцем; начало подвижнического пути: "уже к порогу

юности отшельник, постник, инок" [7, с. 27], испытывающий "стремление уйти в мир общения непосредственно с Богом" [7, с. 28].

С такой же подробностью и тщательностью автор книги повествует об искушениях, выпавших на долю святого, борьбу с ними, подвиг смирения, прижизненные и посмертные чудеса, а в заключении воздает хвалебное слово чудотворцу. В целом каноническая структура жития, житийная основа и "житийный дух" [18, с. 146] выдержаны. Что примечательно, в средневековых рамках писатель XX века не чувствует стесненности, более того, пространство Древней Руси для него органично.

Однако в отличие от жития, изложенного древнерусским автором и сделавшим акцент "не столько на описании жизни, сколько – на пути к спасению" святого [3, с. 52], Б.К. Зайцев уделяет равное внимание и тому, и другому, поскольку для него становится важным выразить личную оценку Сергию – человеку и Сергию – подвижнику, "заронить в душу читателя искру света, любви" [18, с. 146]. Говоря об отличительных чертах двух житий – написанного нашим современником и древнерусским агиографом, необходимо указать на творческий характер, касающийся "новых подходов к изображению героя" [18, с. 150].

Как отмечает исследователь Г.П. Синельникова, в центре внимания прозаика находится живой человек: сначала – ребенок, затем монах, после – святой [18 с. 150]. К примеру: о том, что именно мог делать человек, отстоящий от нас на 600 лет, свидетельствует эпизод, описывающий поиск жеребят: "Наверное, мальчик уже не раз бродил так, по полям, быть может, кликал их, волочил недоуздки" [7, с. 26]. Не менее интересен эпизод, в котором автор книги сравнивает Сергия Радонежского и святого Франциска. В частности, Б.К. Зайцев пишет о том, что Варфоломей давно просил у родителей, чтобы те отпустили его в монастырь. Возражений не было. Но родителям хотелось отсрочить время. В сходных условиях, говорится в тексте, католический святой не стал бы дожидаться и "в светлом экстазе ринулся бы в слезы и молитвы подвига" [7, с. 30]. Сергий поступил иначе, потому что понимал: "задуманный им подвиг не одной души касается" [7, с. 29].

Данный пример указывает на вторую отличительную черту – психологический облик современного жития, чего древнерусские жития были лишены, ибо "там не может быть роста, становления личности" [4, с. 8]. По наблюдению исследователя А.В. Громовой, Б.К. Зайцеву удалось создать психологически убедительный образ человека, пусть и отдаленного от нас более чем на полтысячелетия. Благодаря таланту автора произведения его герой такой же реальный, как и все мы, ныне живущие.

Так, например, из главы "Общежитие и тернии" можно узнать о том, что у преподобного был негромкий голос, спокойное лицо; а характеру присущ "некоторый

север духа" [7, с. 45]. В отличие, например, от Серафима Саровского или святого Франциска, у Сергия "вообще не было улыбки" [7, с. 45], но и грусти в нем тоже никто не замечал; игумен всегда сдержан, как будто бы находится "в кристально-разряженной атмосфере" [7, с. 45].

В тексте (глава "Дело и облик") есть упоминания о запахах, сопровождавших святого: "ароматнейшей стружкой веет от преподобного" [7, с. 69]; он "благуханнейшее дитя Севера" [7, с. 69]. В этой особой поэтике образа нашли "воплощение лучшие качества русского характера" [6, с. 29]. Но, несмотря на имеющиеся в тексте описания, читатель не найдет "лица в привычном понимании этого слова" [10, с. 55]. И поскольку портрет Сергия не создан, в этом отношении Б.К. Зайцев "следует за древнерусским автором" [10, с. 55].

Образ Сергия – это еще и дух наставничества, грани которого раскрываются через общение с ропщущей братией, отцом воскресшего ребенка; крестьянином, испытывающим желание увидеть преподобного; с Даниилом, расплавшимся с игуменом гнилым хлебом. Прежде всего, поясняет автор множества работ по православному искусству И.Б. Ничипоров, это духовное, сокровенное наставничество. Сам же путь Сергия Радонежского, какой описан творческой фантазией Б.К. Зайцева, можно сравнить с недраматическим восхождением к "абсолютной гармоничности и просветленности" [16, с. 346]. В этом отношении являются иными некоторые древнерусские жития, посвященные мученикам веры: их восхождение к истине наполнено бесконечными страданиями. Таковы, например, "первые русские святые князья-мученики Борис и Глеб" [12, с. 268].

Следующей отличительной чертой жития, созданного Б.К. Зайцевым, является русская история: наряду с действующими лицами она считается полноправным участником произведения. И хотя автор книги неоднократно упоминает о том, что преподобный был далек "от политических хитросплетений" [7, с. 56], он однако же не остался в стороне, когда решалась судьба России на Куликовом поле. Благословив Дмитрия Донского на ратный подвиг, Сергий отправил "помощниками князю двух монахов-схимников" [7, с. 59].

Русский философ, писатель и публицист И.А. Ильин по этому поводу комментировал: монах является хранителем праведности, но через воина приобщается к неправедности, вступая с ней в борьбу; разделяя страдания воина, монах становится соратником ему; для каждого воина он выступает ангелом-хранителем; он молится, и молитва делается подобной огненному мечу. Вот таким и был "Сергий, благословляющий Дмитрия Донского и дающий ему в спутники двух меченосных послушников" [9, с. 220].

Еще одна отличительная черта современного жития от древнерусского связана с наличием авторских комментариев. Благодаря этой особенности, считает Г.П. Синельникова, произведение становится похожим на

беллетризованную биографию [18, с. 148]. Например, в главе "Весна" три комментария связаны с жизнью Епифания, используемой в житии архаичной лексики, хронологией жизни Сергия Радонежского.

Особо стоит обратить внимание на финал произведения – в жанровом отношении он не может быть названным житийным: прозаик обобщает все, что сделано Сергием Радонежским за почти восьмидесятилетний период жизни, высказывает личное отношение к святому. Как отмечает Б.К. Зайцев, преподобный стоял у истоков создания крупнейшего в России монастыря; он сумел стать воспитателем "людей, свободных духом, не рабов, склонявшихся перед ханом" [7, с. 68]; он наглядно продемонстрировал, что жизнь человека и судьба государства тесно переплетены; а в общем дал людям "ощущение истины" [7, с. 68].

Подводя итоги работы, укажем, что та сверхзадача, которая для писателя могла звучать как "приобщение читателя к ценностям православия" [15, с. 117], сформировалась благодаря изменившемуся после революции мировоззрению и гражданской позиции литератора. Он стремился к воссозданию эстетической стороны русской православной культуры через "обращение к чувственной, эмоционально-душевной сфере читателя" [15, с. 117]. Не приемля рационализм и любые формы назидательности, он и главного героя своего жития сделал таким, чьи наставления являются тихими и незаметными. Сам писатель в годы эмиграции не только сумел найти прочную опору в жизни, но продемонстрировал другим, как "одолеть тягчайшее уныние, светло воспринять все, что ниспослано судьбой" [13, с. 178].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараева Л.Н. Житие преподобного Сергия Радонежского в духовной биографии Б. Зайцева / Л.Н. Бараева // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. – Вологда: Легия, 2001. – с. 268–270.
2. Ветрова М.В. Агиографическое и историографическое в очерке Бориса Зайцева "Преподобный Сергий Радонежский" / М.В. Ветрова // Культура народов Причерноморья. – 2001. № 23. – с.139–147.
3. Грекова И.В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте / И.В. Грекова: дисс. ... к. фил. н. – Бийск, 2014. – 211 с.
4. Громова А.В. Образ преподобного Сергия Радонежского в творчестве Б.К. Зайцева и М.В. Нестерова / А.В. Громова // Искусство и образование. – 2012. № 1(75). – с. 6–11.
5. Евдокимова Е.А. Личность преподобного Сергия Радонежского в прозе Бориса Зайцева / Е.А. Евдокимова // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: материалы научной конференции. – СПб., Казань, 2014. – с. 187–191.
6. Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: монография / Желтова Н.Ю. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 303 с.
7. Зайцев Б.К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. Собр. соч.: В 5 т. – Т. 7 (доп.). – М.: Русская книга, 2000. – 528 с.
8. Захарова В.Т. Поэтика прозы Б.К. Зайцева: монография / В.Т. Захарова. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – 166 с.
9. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин. – Берлин: Presse, 1925. – 224 с.
10. Кубасова А.В. Житийная повесть в зеркале житийной иконы: смысловые и нарративные параллели ("Преподобный Сергий Радонежский" Б.К. Зайцева) / А.В. Кубасова // Уральский филологический вестник. – 2013. № 2. – с. 52–61.
11. Литература русского зарубежья: первая волна эмиграции (1920 – 1990): учеб. пособие. В 2-х ч. Ч. 1. / под общ. ред. А.И. Смирновой. – 2-е изд., стер. – Волгоград: ВолГУ, 2003. – 244 с.
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
13. Лукьянцева И.И. Идея святости в творчестве Б.К. Зайцева периода эмиграции / И.И. Лукьянцева: дисс. ... к. фил. н. – Ставрополь, 2006. – 181 с.
14. Любомудров А.М. "Дневник писателя" Б.К. Зайцева: Диалог времен, культур и традиций / М.М. Любомудров // Зайцев Б.К. Дневник писателя. – М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2009. – 208 с.
15. Любомудров А.М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе / А.М. Любомудров // Вестник славянских культур. – 2009. № 1–2. Т. 9. – с. 113–120.
16. Ничипоров И.Б. Подвиг святости в творческом осмыслении Б. Зайцева (Преподобный Сергий Радонежский, Алексей Божий человек, Сердце Авраамия) / И.Б. Ничипоров // Духовная традиция в русской литературе: сб. науч. ст. / науч. ред., сост. Г.В. Мосалева. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – с. 344–352.
17. Пак Н.И. Авторские примечания как факт о художественной целостности (на примере двух произведения Б.К. Зайцева) / Н.И. Пак // Вестник Днепропетровского университета им. А. Нобеля. – 2016. № 2. – с. 157–160.
18. Синельникова Г.П. Неожитие Б.Зайцева "Преподобный Сергий Радонежский" / Г.П. Синельникова // Культура и текст. – 2005. №9. – с. 144–152.
19. Солнцева Н.М. Святой Сергий Радонежский и литература XX века Н.М. Солнцева / Н.М. Солнцева // Stephanos: мультиязычный научный журнал. 2014. № 6. – с. 12–24.
20. Терешкина Д.Б. "Четы-минеи" и русская словесность нового времени / Д.Б. Терешкина: дисс. ... д. фил. н. – Великий Новгород, 2015. – 430 с.